

УДК 821.11

**«СЛАДОСТЬ ПРОШЛЫХ ДНЕЙ» В ПРОИЗВЕДЕНИЯХ
БАЛТИЙСКИХ НЕМЕЦКИХ ПИСАТЕЛЕЙ МЕЖВОЕННОГО ПЕРИОДА****д-р филологии, доц. В. ТАЛЕРКО****Даугавпилсский университет**

Балтийские немецкие писатели межвоенного периода, предчувствуя драматические события Второй мировой войны, обращаются к изображению недавнего прошлого своей Балтийской родины. В центре внимания статьи находится анализ тем и форм воспоминаний. Персонажи анализируемых произведений либо неожиданно для себя вспоминают о своем прошлом, либо сознательно вытесняют свои воспоминания из памяти, чтобы избежать излишней эмоциональной нагрузки. Воспоминания касаются детства и юности персонажей, организации быта, родных и близких, а также тех моментов, с которыми были связаны наиболее сильные воспоминания. Изображение межнациональных отношений в творчестве некоторых балтийских немецких авторов становится одной из наиболее интересных тем для анализа как историков, так и литературоведов. Балтийские государства, издревле населенные представителями различных национальностей, становятся в представлении некоторых авторов местом счастливого взаимопонимания и дружбы.

Балтийско-немецкая литература вызывает у современных литературоведов, историков и лингвистов неподдельный интерес. Находясь между родиной и отечеством (Heimat und Vaterland), балтийские немцы пытаются осознать свою национальную идентичность, свою государственную принадлежность и собственную ментальность, что и находит свое проявление в созданных ими литературных произведениях. В последние два десятилетия появилось достаточно большое количество статей и монографий, посвященных отдельным аспектам жизни балтийских немцев, например, организации образования¹ или жизни балтийских немцев дворянского сословия², истории балтийских немцев в XX веке³. Все наблюдения и выводы сделаны на основе частных писем и воспоминаний. В авторских лексиконах и биографических справочниках можно найти имена наиболее известных авторов, например, Эдуарда фон Кайзерлинга и Зигфрида фон Фегезака⁴. Семье Кайзерлингов и их вкладу в общественную и литературную жизнь балтийской родины посвящен сборник «Baltisches Erlebnis. Die Kulturgeschichtliche Bedeutung von Alexander, Eduard und Hermann Keyserling». Существенный интерес к балтийско-немецкой литературе проявляется со стороны немецких научных кругов, но можно отметить увеличение количества статей и выступлений на конференциях ученых различных специальностей в Латвии, Литве и Эстонии. В настоящее время готовится к изданию хрестоматия для школ, составленная из произведений балтийских немцев с XVI до начала XX века. Эта хрестоматия подготовлена на двух языках и уже одобрена Министерством образования Латвийской Республики. Однако многие имена остаются до сих пор неизвестными для читающей публики, т.к. не все авторы могли позволить себе издание отдельных книг и печатали свои произведения в газетах еще со старым так называемым готическим шрифтом, значительно затрудняющим чтение для современного читателя.

Об интересе к этой литературе и об актуальности ее осмысления свидетельствуют доклады, материалы для дискуссий, представленные на многочисленных конференциях, проводимых во всем мире. Как пример можно назвать международную конференцию «Baltic Studies», которая в последний раз была проведена в сентябре 2015 г. в Марбурге (Германия), где мною было представлено исследование об образе Германии в произведениях балтийских немцев, написанных между мировыми войнами. Данный период времени представляется наиболее интересным для анализа, т.к. именно в это время начинается осмысление балтийскими немцами себя как национальной группы. Для самоопределения и отграничения от других народов и национальных групп в начале XX века они стали называть себя *Baltendeutsche*, т.е. балтийскими немцами [1, s. 4]. Особенно подчеркивалось, что это потомки тех немцев, которые остались в нынешних странах Балтии с XII века.

¹ Wilhelmi, A. Bildungskonzepte und Bildungsinitiativen in Nordeuropa (19. Jahrhundert) / Anja Wilhelmi. – Wiesbaden : Harrassowitz, 2011.

² Wilhelmi, A. Lebenswelten von Frauen der deutschen Oberschicht im Baltikum (1800–1939) / Anja Wilhelmi. – Wiesbaden : Harrassowitz, 2008.

³ Geschichte, E. Deutschbalten im 20. Jahrhundert / Erlebte Geschichte. – Lüneburg : Carl-Schirren-Gesellschaft, 2002.

⁴ Wilpert, G. Deutschbaltische Literaturgeschichte / Gero von Wilpert. – München : Beck, 2005.

На территории Латвии до 1921 г. немцы проживали в основном в Курляндии, в Риге и некоторых других городах, пользовались сословными привилегиями и оказывали огромное влияние на политическую ситуацию и культурную жизнь общества в каждой из Балтийских стран [2, s. 24]. Немцы селились и жили, как правило, рядом друг с другом, например, в Даугавпилсе (Латвия), они жили в так называемой Немецкой слободе, что, однако, не исключало их общения с представителями других национальностей. Небольшая цитата из романа Л. Добычина «Город Эн» может проиллюстрировать жизнь Двинска (Даугавпилса) в 1905 г.: «Мы полюбовались дамой на окне салона для бритвы и осмотрели религиозные предметы на окне Петра к-ца Митрофанова. Марш грянул. Приближалась рота, и оркестр играл, блистая. Капельмейстер Шмидт величественно взмахивал рукой в перчатке. Мадам Штраус в красном платье выбежала из колбасной и, блаженно улыбаясь, без конца кивала ему. Кутаясь в платок, Л. Кусман приоткрыла свою дверь» [3, с. 20].

Многонациональный характер жизни города передается простым названием фамилий его жителей. Здесь каждый друг друга знает, если не лично, то по вывескам магазинов, на которых было принято писать фамилии владельцев.

Интересно отметить, что в латышских региональных газетах межвоенного периода о балтийских немцах, равно как и о представителях других национальностей, писалось крайне редко, например, в криминальной хронике или в объявлениях о смерти. Такое же умалчивание присутствует и в речах Латвийского президента Карлиса Ульманиса (1936–1939) и министров его правительства. В их речах с 1937 по 1939 гг. только 1 раз упоминаются школы других национальностей, в связи с передачей книг в дар от президента.

Игнорирование людей других национальностей, молчаливо одобряемое представителями власти, физически не могло распространяться на повседневную жизнь обычных людей: соседство обрекало их на коммуникацию, симпатии и антипатии, любовь и ненависть. Балтийские немцы настолько активно участвовали в жизни молодой Латвийской Республики, что в изданном в 1939 г. биографическом словаре «Es viņu pazīstu» упомянуты имена 37 немцев с описанием их вида деятельности: писатели, историки, священники, юристы и т.д. За плечами балтийских немцев к этому периоду уже первая волна эмиграции, вызванная первой мировой войной, и возвращение некоторых из нее в 1920–1925 гг. Поэтому в качестве цели исследования определена тема воспоминаний в произведениях балтийских немцев, написанных в период между двумя мировыми войнами. В центре внимания находятся произведения В. Бергенгруна, З. Фегезака и Ф. Тисса, живших к моменту написания этих произведений за пределами своей родины. Общим для этих писателей является и тот факт, что они довольно редко бывали на родине, покинув ее в достаточно юном возрасте. Главным критерием отбора явилось наличие элемента воспоминаний у персонажей литературных произведений балтийских немецких писателей о жизни в стране, где они родились, на момент написания ими их произведений. Под воспоминанием понимается адекватное и одновременно естественное соединение знания о прошлом с его осмыслением на основе морально-политических ценностей [4, s. 24]. Опираясь на исследования А. Ассман, можно утверждать, что собственные биографические воспоминания – необходимый материал и база, на которых строятся отношения и опыт, а так же формируется собственная идентичность [5, s. 24]. Несомненно, таким же образом и историческая память влияет на формирование национальной идентичности. Человеческая личность немаловажна без воспоминаний, поэтому их появление в литературных произведениях как элемента характеристики персонажей вполне оправдано.

Аня Вильгельми в своем обширном труде, посвященном образу жизни женщин высшего общества в Балтийских странах в период 1800–1939 гг., приводит интересное наблюдение, основанное на личных воспоминаниях и сохранившихся письмах балтийских немцев. Она прямо указывает на грустный характер воспоминаний, связанный с потерей немцами всей полноты власти, а также с поиском собственной идентичности [6, s. 317].

В качестве дополнения и необходимой иллюстрации к подобным наблюдениям являются материалы ежегодника балтийских немцев «Jahrbuch des baltischen Deutschtums» за 1997 г., традиционно посвященного осмыслению прошлого. В сборнике можно найти самую разную информацию – от некрологов и писем до аналитических статей и произведений художественной литературы. В своих воспоминаниях И. Вестерманн пишет довольно жестко о притеснениях в национальном плане, подробно описывая ужесточение языковой политики в Рижской немецкой школе, что проявлялось в увеличении количества уроков латышского языка и в углубленном изучении истории и литературы Латвии как отдельных предметов. Автор не опускается до жалоб на тогдашние политические обстоятельства, но с горечью приводит информацию о ликвидации управления немецких школ (аналог отделу образования) и выделении места одного (!) референта по немецким школам в Латвийском министерстве образования. Этот же автор рас-

сказывает о том, что нередко были шовинистические беспорядки и нападения, поэтому учителя школы постоянно просили учащихся сохранять дисциплину и не поддаваться на провокации [2].

Обратимся к произведениям художественной литературы и постараемся узнать о том, о чем же писатели заставляли вспоминать своих персонажей. Удивительно, но воспоминания о бытовых реалиях не находят в произведениях балтийских немцев широкого освещения. Зигфрид фон Фегезак (1888–1974) и Вернер Бергенгрюн (1892–1964) особенно подчеркивают те особенности быта балтийских немцев, которые могли бы быть отличительными чертами по сравнению с представителями других национальностей. Сборник рассказов Вернера Бергенгрюна «Смерть Реваля» («Der Tod von Reval») имеет характер связного воспоминания о прошлой жизни старого города. В рассказе «Морской черт» («Der Seeteufel») автор повествует об одном чудаке-священнике, в жизни которого особую роль играл «старомодный» барометр. Это определение указывает на связь балтийских немцев с их предыдущими поколениями, уже в течение многих веков проживавших на территории Балтийских стран. Опираясь на цитату из рассказа «Zum Glück besaß er ein Barometer ohnehin, ein längliches, halbmännshohes Stück, eins von der guten altmodischen Art, wie es sie früher in den baltischen Häusern gab» [7, s. 64], можно сделать предположение, что барометр являлся предметом, характерным в то время именно для быта балтийских немцев.

Вернер Бергенгрюн вскользь касается внешнего проявления отличий балтийских немцев, что позволило бы выделить их в ряду других персонажей в литературном произведении и реальной жизни среди представителей других национальностей. При этом подчеркивается ухоженная внешность, бакенбарды как дань благородной моде и золотые круглые очки как признак имущественного благосостояния: «... der Hofgerichtsadvokat, ein langer, dürrer Mann mit flohfarbenem Backenbart und einer runden, in Gold gefaßten Brille vor zornigen kleinen Augen» [7, s. 82].

Главный персонаж романа З. фон Фегезака «Пожирающий дом» («Das fressende Haus») рассказывает своей будущей жене о своей родине, о детстве, о бесконечных лесах, охоте, о жизни в имении, о жизни, которая больше никогда не вернется. Несмотря на неконкретный характер этих рассказов, выражающийся в простом назывании общих тем повествований, они вызывают ощущение утраченного рая. Свою новую жизнь в Германии, которую Торклус вынужден начинать с нуля, он волей неволей сравнивает с жизнью в Латвии и старается придать новой жизни знакомые, но, по сравнению с тогдашней Германией, более изысканные черты. Жители Баварии, как оказалось, мало что знали о ванной и термометре, а над применением удобрений просто смеялись. Это знание присутствует в памяти Торклуса и дает ему возможность сделать попытку перенести свой опыт в новые условия. Налицо желание персонажа обрести новые ориентиры в сложившихся обстоятельствах, стремление к общественному признанию, что характерно для людей, находящихся в эмиграции [4, s. 10].

Автор литературного произведения, вводя в свой текст элементы воспоминаний, сообщает и определенные убеждения, общую картину мира, свои представления об общественных и моральных ценностях, т.к. он не находится в изоляции, а испытывает влияние определенного исторического опыта. Как утверждают психологи и как известно нам самим на основании собственного эмпирического опыта, при прочих равных условиях эмоционально насыщенное будет сильнее запечатлеваться, чем эмоционально нейтральное. При воспоминаниях о том или ином событии мы переживаем те же эмоции, как и в тот момент, когда это событие произошло. Для каждого человека особенно эмоционально насыщенными являются воспоминания об особых событиях в семье, когда вспоминающий человек испытал какое-либо сильное чувство: счастье, разочарование, горе, радость и т.д.

Как пишет А. Ассман, большая часть наших воспоминаний дремлет в нас и ждет того, чтобы быть разбуженными каким-либо событием. Тогда внезапно происходит осознание этих воспоминаний, они снова становятся актуальными и могут быть выражены словами. Благодаря рассказам, они получают языковую форму и пространственно-временную структуру, дополняются и интерпретируются [5, s. 24]. Роман З. фон Фегезака может быть самой лучшей иллюстрацией для внезапных, мимолетных воспоминаний, не получающих отчетливого вербального оформления.

В романе «Пожирающий дом» З. фон Фегезака воспоминания посещают главного персонажа очень редко, носят неконкретный характер, похожи на неотчетливый сон. Торклус вроде бы и знает все, что стоит за этими воспоминаниями, но он не может или не хочет углубляться в размышления и эмоции. Воспоминания о детских играх, например, базируются на моторной памяти. Движение пальцев вызывает его единственное воспоминание о детской игре, когда он делал из замазки шарики, чтобы стрелять из трубочки в дроздов [8, s. 38]. Торклус сознательно вытесняет из памяти те моменты, которые могут заставить его усомниться в правильности его решения покинуть родину.

По мере того как накапливаются не только финансовые проблемы в жизни Торклуса, но и приходит осознание того, что он всегда будет ощущать себя здесь, в Германии, чужим, все чаще приходят воспоминания о матери. Мать не называется, но упоминается самое милое для него лицо, которое он видел

ребенком, голос, которого он больше не услышит. Подобного рода воспоминания передают ощущение утраченного внутреннего спокойствия и незащищенности, что особенно остро воспринимается в ситуации, в которой оказался Торклус. По мере прочтения этого довольно объемного романа становятся ясными очертания дома-имения: с черепичной крышей, широкий, с белыми колоннами, окруженный огромными липами – непосредственное указание на то, что в этом доме жило не одно поколение этой семьи [8, s. 199]. По-видимому, образ родового имения, гнезда, замка является определяющим для балтийско-немецких авторов. Франк Тисс (Frank Thiess), ставший впоследствии значительным немецким писателем, почти всегда вводил в свои произведения персонажей, имеющих отношение к Балтийским странам. В «Истории одного беспокойного лета» («Die Geschichte eines unruhigen Sommers») один из таких персонажей характеризуется как крайне самодовольный человек, повсюду незримо носящий с собой разрушенный в войне родовой замок [9, s. 62].

Знаменитая прибалтийская погода также не относится к популярным темам в этих воспоминаниях. Один из персонажей Ф. Тисса вспоминает о дожде, длившемся 10 недель, но и в том дожде присутствовала прелесть умиротворения, уюта сухой веранды и успокаивающего шелеста дождя за распахнутыми окнами [9, s. 133]. Можно сделать предположение, что названные авторы имели не очень конкретное представление об организации быта и прочих повседневных реалиях балтийских немцев и характеризовали их достаточно стереотипно.

Надо отметить, что балтийские немцы ощущали Германию как чужую страну и в языковом плане. Лингвистические и стилистические особенности языка, на котором общались балтийские немцы, позволяют сделать вывод о том, что балтийские немцы считали себя носителями более старого и менее измененного языка, в отличие от языка немцев Германии. В первую очередь это касается обозначения определенных предметов быта, реалий и особенностей жизни. Указывая на особенность произношения «literarisch – literärisch» [10, s. 156] в рассказе В. Бергенгрюна «Голова» («Der Kopf») сообщается, что так произносили и в Германии 150 лет тому назад. Это дает повод для гордости и создает новые отличительные признаки для самоидентификации.

Предчувствуя надвигающуюся беду, ощущая близость перемен, немецко-балтийские авторы склонны идеализировать свое прошлое, особенно это касается изображения межнациональных отношений. В произведениях всех названных выше авторов, список которых можно дополнить писателями М. Муньер-Вроблевска, А. фон Задонски, О. Гросберг, А. Штенбок-Фермор и др., присутствует удивительное согласие и стремление понять друг друга. Интересно, что определения русский / немец / еврей являются просто неизменной константой, одним из способов характеристики персонажей, как старый / молодой / богатый и т.д. Поэтому воспринимается практически обыденным факт, что немецкая вдова снимает комнату у русской женщины, вдовы канцелярского писца.

В моменты общей опасности или общих неприятностей представители разных национальностей показывают необыкновенное единообразие реакции на них, как, например, в рассказе В. Бергенгрюна «Убежище Якубсона» («Jakubsons Zuflucht»). Обнаружив в кровати, рядом с недавно усопшей немкой, известного городского бродягу, русская хозяйка квартиры и адвокат придворного суда, немец, характеризуются одинаково: они орут так, как будто в комнате собрались десять разъяренных человек [10, s. 82]. Показательным является сносное владение различными языками общения. Тот, кто занимает более высокое положение в обществе, при необходимости переходит на язык своего партнера по диалогу. Приоритет имеет желание понять и быть понятым. Следует отметить, что люди разного общественного положения обращаются друг к другу на «Вы».

Церковная принадлежность может быть нарушена в исключительных случаях, например, в случае смерти персонажа. В рассказе «Убежище Якубсона» В. Бергенгрюна особенно подчеркивается, что православная вдова, хотя и последняя в ряду тех, кто пришел попрощаться с усопшей, тоже появляется в лютеранском храме.

В рассказе В. Бергенгрюна «Удивительный приют» («Die wunderliche Herberge») речь идет о предоставлении необычных услуг. В случае если похороненный человек оказывался живым, он мог обратиться в специальный дом рядом с кладбищем с надписью Willkommen, где ему могли предоставить еду, необходимую одежду, горячий самовар, письменные принадлежности для осторожного оповещения родных и близких о неожиданном воскрешении и пр. О том, что в этот дом могут обратиться все «deutsche und nichtdeutsche» [12, s. 97] сообщается самым конкретным образом. Даже на прикроватных столиках лежат библии, чтобы воскресший смог на любом языке (подразумеваются немецкий и эстонский) поблагодарить Всевышнего за спасение [12, s. 103].

Рассказ «Желтая предводительница мертвых» («Die gelbe Totenvorreitersche») В. Бергенгрюна повествует о бедной вдове, добровольно сопровождающей усопших до места их погребения. Для нее нет различий ни в сословиях, ни в религии, ни в национальностях и кладбищах. Немцы, эстонцы, шведы,

русские, католики и лютеране направляются к месту последнего упокоения. Вдова видит в своем участии в погребении последнюю возможность для милосердия, а милосердие может быть проявлено во всем [12, s. 169]. Кладбище при этом понимается как место общего равенства и примирения. «Желтая предводительница» выполняет функцию Харона, сопровождающего души мертвых в загробный мир.

В послесловии к сборнику «Смерть Реваля» меняется тон повествования. Все рассказы написаны с внутренней доброй усмешкой автора. Весь сборник рассказов имеет подназвание «Курьезные истории из одного старого города». Автор любит свои забавными персонажами, подробно описывая все их чудачества. В послесловии под названием «Прощание» автор всерьез размышляет над происшедшими изменениями в жизни города. Смерть Реваля понимается буквально: жизнь в городе изменилась, те времена больше не вернуть.

Конечно, и другие писатели старались подчеркнуть какие-то особенности национального характера балтийских немцев. Многие, например, М. Муньер-Вроблевска, Ф. Тисс, А. Штенбок-Фермор, упоминают темперамент, открытость, добросердечие своих соотечественников, что отличает их в первую очередь от немцев, проживавших в Германии. Франк Тисс в «Истории одного беспокойного лета» повествует об очень эмоциональной балтийской кухне, способной плакать при звуках музыки или от прекрасных стихов, что вызывало непонимание среди ее новых немецких соседей [9, s. 113].

Единственное четкое воспоминание в романе З. фон Фегезака «Пожирающий дом» связано с празднованием дня летнего солнцестояния «Лиго» [8, s. 199]. Место – немецкое имение – не является подходящим для празднования латышского языческого праздника. И хотя общее празднование должно передать ощущение единения и взаимопонимания, разделение происходит, прежде всего, по категориям времени и пространства изображаемого события и персонажей.

немцы

веранда дома

молчание

подарки: пироги, пиво

после праздника: спальня

после праздника: вечерняя молитва

латыши

перед домом

протяжное пение

подарки: венки, цветы

после праздника: пивная

после праздника: гармоника

На основе этого анализа можно сделать вывод о том, что персонажи являются носителями разных картин мира, не имеющих общих элементов. Физическое проявление приближения, как, например, обмен подарками, не свидетельствует об их взаимопонимании. Это единственный эпизод в изученных мною произведениях балтийских немцев, относящихся к 20–30 гг. XX в., анализ которого позволяет усомниться в идиллическом взаимопонимании людей разных национальностей накануне Второй мировой войны. Подробное описание праздника, о котором вспоминает Торклус, выпадает из общего тона повествования, имеющего последовательно-продуманный характер только в вопросах строительства нового дома. Само празднество поражает своей статичностью, картинностью стереотипа в восприятии праздника «Лиго». Смысл этого эпизода в ностальгическом характере воспоминания, в тоске по тому, чего по-настоящему не было.

Анализируя воспоминания, представленные в произведениях балтийско-немецких авторов, можно увидеть тенденцию представить жизнь представителей разных национальностей на территории сегодняшней Балтии в более идиллическом свете. Отойдя от описания жизненного уклада, бытовых обстоятельств, характерного для авторов мемуаров, писатели концентрируют свое внимание на более общих вопросах, создающих идеализированную атмосферу того времени. Идеализация жизни на родине связана с тем, что авторы этих произведений ощущают себя в Германии, если не чужими, то и неполностью своими, почти в состоянии «внутренней» эмиграции.

ЛИТЕРАТУРА

1. Rimscha, H. Um die baltische Zukunft. Jugendbewegung, Korporationen und wir / Hans Rimscha. – Riga : Verlag der Buchhandlung G. Löffler, 1926.
2. Westermann, I. Was vergangen, kehrt nicht wieder. – In: Jahrbuch des baltischen Deutschtums 1997 / Ilze Westermann. – Lüneburg/München: Carl-Schirren-Gesellschaft, 1996.
3. Добычин, Л. Город Эн. Рассказы / Леонид Добычин. – М. : Художеств. лит., 1989.
4. Kuhlmann, J. Exil, Diaspora, Transmigration. In: ApuZ. Beilage zur Wochenzeitung „Das Parlament“ / Jenny Kuhlmann. – 42/2014, 13.10.2014.
5. Assmann, A. Der lange Schatten der Vergangenheit. Erinnerungskultur und Geschichtspolitik / Aleida Assmann. – München : Beck, 2006.
6. Wilhelmi, A. Lebenswelten von Frauen der deutschen Oberschicht im Baltikum (1800-1939) / Anja Wilhelmi. – Wiesbaden : Harrassowitz, 2008.
7. Bergengruen, W. Der Seeteufel. In: Der Tod von Reval / Werner Bergengruen. – Berlin : Fischer, 1956.

8. Vegesack, S. v. Das fressende Haus / Siegfried v. Vegesack. – Grafenau : Morsak, 2005.
9. Thiess, F. Die Geschichte eines unruhigen Sommers / Frank Thiess. – West-Berlin : Tempelhof, 1966.
10. Bergengruen, W. Der Kopf. In: Der Tod von Reval / Werner Bergengruen. – Berlin : Fischer, 1956.
11. Bergengruen, W. Jakobsons Zuflucht. In: Der Tod von Reval / Werner Bergengruen. – Berlin : Fischer, 1956.
12. Bergengruen, W. Die wunderliche Herberge. In: Der Tod von Reval / Werner Bergengruen. – Berlin : Fischer, 1956.
13. Bergengruen, W. Die gelbe Totenvorreitersche. In: Der Tod von Reval / Werner Bergengruen. – Berlin : Fischer, 1956.

**«THE SWEETNESS OF THE LAST DAYS» IN THE WORKS
OF BALTIC GERMAN WRITERS OF THE INTERWAR PERIOD**

V. TALERKO

Baltic German writers of the interwar period, in anticipation of the dramatic events of the 2nd World War II, refer to the image of the recent past of their Baltic homeland. The focus of the article is the analysis of the forms and memories. Characters of analyzed works either unexpectedly remembered about their past, either deliberately displace their memories from the memory to avoid unnecessary emotional stress. Memories of childhood and adolescence relate to the characters, the organization of life, family and friends, as well as those moments, which have been linked most powerful memories. Image of interethnic relations in the works of some of the Baltic German authors is becoming one of the most interesting topics for the analysis of both historians and literary critics. The Baltic States of old, inhabited by representatives of different nationalities, are in the view of some authors place a happy mutual understanding and friendship.